

Эльдорадо тут рядом

Наблюдая за модернистскими, почти футуристическими пейзажами из окна несущегося автобуса, сложно поверить, что Чили — латиноамериканская страна. Медные рудники в засушливых оранжевых пустынях ослепляют блеском гигантских машин из стали. Ветряные мельницы, подобно механическим цветам, обращают свои мощные лепестки к солнцу. Тяжеловесные цветные суда громоздятся у отполированных портовых причалов. Это впечатление только усиливает столица Чили Сантьяго — город, застроенный стеклянными небоскребами разнообразных форм и размеров. За смогом почти не видно гор. В Чили поезда приходят по расписанию, таксисты пользуются утвержденными тарифами, вежливые прохожие долго извиняются, если наступают на ногу, даже часы на городских башнях не отстают, а тем более никуда не спешат. В чем подвох?

Слова и фотографии: Карина Абдусаламова. Музыка: *The Everly Brothers — All I Have To Do Is Dream*

Чили — страна с самой развитой экономикой в Латинской Америке. Но этот статус достался чилийцам дорогой ценой.

16 лет военной диктатуры Пиночета, экономические эксперименты под руководством Чикагского университета, рецессия, долги. Однако самым важным отличием чилийцев от жителей других латиноамериканских стран является, пожалуй, отсутствие в их лексиконе слова *mañana* («завтра»): на потом они никог-

да ничего не откладывают, трудятся в поте лица, иногда даже без выходных и праздников, потому что есть такое слово — «надо». Эта особенность менталитета придает жизни среднестатистических чилийцев оттенок трагичности: все пять моих хороших чилийских друзей оказались инженерами с загубленными карьерами археологов, писателей, художников и поэтов. Кого волнует живопись, когда заводы простаивают? В своем прагматизме они мало уступают каким-нибудь немцам. Хотя и это объяснимо: только за 30 лет, в период с 1870 по 1890 годы, Чили накрыла штормовая волна европейской иммиграции. На ПМЖ в страну

прибыло 20 тысяч немцев, 44 тысячи испанцев, 19 тысяч итальянцев и французов и 12 тысяч швейцарцев.

Все, что было в стране латиноамериканского, модернизировалось до удобоваримой европейской отметки, все индейское законсервировалось на юге.

Теперь уже туристы из европейских стран вертят носом, заявляя, что Чили — это как дома, слишком цивилизованно. Не хватает им тут

индейской отсталости, латиноамериканской распущенности. По выметенным улицам ходят высокие статные клерки в рубашках, застегнутых на последнюю пуговичку. Холеными руками они открывают двери офисов. В светлое будущее.

«Черт бы побрал этих аргентинцев!» — нервно наблюдая за ходом матча Чили – Аргентина, произносит мой приятель Мигель (тот самый, из инженеров-писателей). И продолжает: «Мы их все равно сделаем. Они ни на что не годятся, эти самохвалы». Не помню, чем закончился матч, но к концу третьей кружки терпкого домашнего пива он сентиментально вспоминает свою последнюю поездку в Буэнос-Айрес: «И там такие здания, и джаз играет повсюду,

искусство прямо на улице выставляют, и атмосфера... Почему здесь не так? Черт бы побрал этих аргентинцев!»

Да, похоже, и сами чилийцы не в восторге от своего излишнего прагматизма. Сантьяго, царство офисов из стекла и бетона, может вдохновить на поэму лишь самого отчаянного урбаниста. Здесь есть парки, клубы, набитые красивыми, пустыми хипстерами, культурные центры, исторические памятники, музеи, площади, но вот пресловутой «атмосферы», о которой, перебарывая пивную икоту, говорил Мигель, здесь не найти. Однако не все так безотрадно прогрессивно. Чилийская богема свила себе гнездышко в полутора часах езды от столицы — в портовом городе под названием Вальпараисо.

Вальпараисо (в переводе с испанского — «райская долина»), наоборот, место, затерянное во времени. Гуляя по его узким мощеным улицам с цветными стенами и низкими балконами, катаясь на скрипучих фуникулерах, которые

старомодно пахнут машинным маслом и деревом, наблюдая за океаном с верхушки холма, с трудом отдаешь себе отчет, какой сегодня день, месяц, год, век. Побережье, протянутое от Конкона до Вальпараисо, по форме напоминает лошадиную подкову: такой изгиб создает естественную гавань, защищающую окрестные города от возможного цунами. Кажется, эта подкова счастливо оберегает город и от разрушительных тенденций времени. Модернистский стеклянный квадрат, синеющий на одном из исторических зданий в порту, невольно увековечил собой день, когда

Вальпараисо был включен в список мирового культурного наследия, охраняемого ЮНЕСКО. Случилось это в 2003 году: инициаторами стали сами жители города,

возмущенные действиями главы Южноамериканской судоходной компании.

Бизнесмен планировал настроить в порту блестящих небоскребов, чтобы было как в столице: стильно, модно и современно. Однако городской совет, не размениваясь на мелочи и не тратя времени на уговоры скаредного дельца, просто позвал в гости членов Организации Объединенных Наций. Вальпараисо — это тот случай, когда сказать «нет» было невозможно. Так, получив достойного защитника, город заодно приобрел статус культурной столицы Чили, а директору компании в качестве компенсации

за полученный баттхерт было позволено создать стеклянную надстройку-купол под офис. Но только одну и в виде исключения.

Отсутствие в городе «Макдоналдсов» также является предметом гордости жителей Вальпараисо. Всякий раз, когда поднимался вопрос об открытии ресторана, горожане выходили на улицы митинговать, выражая свое недовольство американизацией чилийской культуры. В конце концов городские власти были вынуждены сдаться и закрепили запрет на открытие «Макдоналдс» на муниципальном уровне.

Выходит, главной достопримечательностью Вальпараисо являются сами жители, которые

делают город таким самобытным и чудаческим. История современного «Вальпо» (так ласково именуют его местные) берет начало с землетрясения 1906 года, разрушившего значительную часть города. Особенно пострадали жилые дома, которые по обыкновению строились из глины. В процессе восстановления города кто-то из местных жителей догадался использовать для укрепления дома материалы, которые торговые суда разгружали в порту за ненадобностью: отсыревшие деревянные бревна, металлические каркасы, камни. Идея приобрела популярность, и вскоре матросы начали обменивать ненужные материалы на продовольствие вроде еды, вина, фруктов. Они снабжали жителей и краской, оставшейся после работ на корабле. Важно, что каждое судно имело свой цвет, служивший отличительным знаком судоходной компании. Кому-то из жителей доставался синий, кому-то — желтый, красный, зеленый.

**Таким образом,
разноцветные новостройки**

неожиданно для самих жителей преобразили город до неузнаваемости. Вальпараисцы начали с гордостью заявлять: «Пусть наш город и не самый богатый в стране, зато он будет самым счастливым».

В этом, кажется, они убеждены до сих пор. На ступенях одной из главных лестниц города можно найти надпись: *We are not hippies, we are happies*. В современных условиях, когда торговые суда уже не обменивают краску на вино, жители находят новые способы придерживаться любимой вековой традиции — теперь уже с помощью граффити.

Стрит-арт взял город в заложники: кажется, Вальпараисо стал вещью в себе — одним большим густонаселенным произведением искусства.

Например, праздно слоняясь по улицам, здесь можно набрести на памятник унитазу. Его создатель, нисколько не последователь дюшановского реди-мейда, а обычный чилийский работяга Артуро Эспиноса Касас Кордеро, рассказывает, что идея создания монумента пришла ему после одной неловкой, но знаковой каждому ситуации. Объявшись эмпанад с тунцом, Артуро почувствовал себя не очень хорошо, и, поскольку забегаловка находилась довольно далеко от дома, ему пришлось нестись, не замечая ни улыбчивых лиц прохожих, ни погожего солнечного дня. Артуро пообещал себе, что в случае удачной развязки он обязательно исправит вопиющую несправедливость и почтит величайшее изобретение человечества достойным памятником. Как мы можем судить, Артуро вышел из этой переделки победителем и слово свое сдержал.

Другой образчик виртуозного воображения вальпараисцев — «Кукольный дом». Так жители города именуют небольшой желтый сквот, который, по слухам, принадлежит кучке героиновых торчков. Достоверной информации

о доме и его жильцах почти нет: хозяйева славятся недружелюбным нравом и маниакальными депрессиями. Но судя по искусному декору, вальпараисский наркопритон все же нередко навещают музы пластических и других искусств. Стены дома увешаны не лишними декадентского очарования кукольными телами, у дверного прохода распяты плюшевые медведи, на крыше громоздятся телевизоры, горшки с цветами, ржавый велосипед и, кстати, опять унитаз, а у входа в сквот стоят диван и кресло, посидеть на которых лично я бы не решилась.

Однако если вы хотите прочувствовать весь размах художественной экспрессии вальпараисцев — посетите культурный центр *Carcel*. На первый взгляд *Carcel* ничего особенного собой не представляет. Четырех- ли, пяти- ли этажный центр, в котором проходят выставки современного искусства, лекции и концерты. Рядом с ним разбит приятный парк: по будням в нем тренируются гимнастки и курят дурь студенты-прогульщики. Все кажется привычным и знакомым, но только до тех пор, пока не задашься вопросом: почему арт-центр

получил такое название — *Carcel*, что значит в переводе «тюрьма»? «Ну как „почему“? — спокойно протягивает охранник. — Потому что три или четыре года назад центр был тюрьмой». Вот так вот. Ответить на вопрос, почему тюрьму решили переформировать в арт-институцию и подались ли все заключенные в художники, мне, к сожалению, так никто и не смог.

**Город-галлюцинация,
город-фантазия,
город-иллюзия. Как
воздушная розовая
безешка, тающая во рту
упитанного мальчугана,
Вальпараисо плавно утекает
из реальности в область
сказки.**

Здесь одна из главных исторических улиц меняет свое название каждые 200 метров: *Condell — Esmeralda — Prat — Sotomayor — Serrano — Bustamante*. Здесь поэты, снискавшие

народную славу, работают в секс-шопах: так, стихотворец Алехандро Перес находит вдохновение в окружении гигантских резиновых дилдо. Здесь ржавые поезда навеки припаркованы у причала: в пыльных вагонах играют на пианино *I'm the Walrus*, пьют вино из пакетов (ничем, впрочем, не уступающее тому, что, причмокивая, дегустируют посетители какого-нибудь «Хлеба & Co») и встречают закаты, глядя из голых бесстекольных окон на бескрайние воды, в которых утопает оранжевое солнце. Здесь в барах с вековой историей (*El Liberty*) пенсионеры в клетчатых куртках играют в шахматы, потягивая дешевое пиво: в этих старинных питейных его почему-то до сих пор называют на испанский манер — «канья» (*caña*).

**Здесь в бедных районах
мальчишки воруют белье
с соседских балконов
с помощью кошек, а в парке
Ленина Мира (*Parque Lenin
de la Paz*) по выходным**

занимаются физкультурой чилийские бабули.

Спускаясь вниз от арт-тюрьмы к побережью по улице *Cumming*, я случайно наткнулась на книжный *Cummings 1: Libros y Artes* с впечатляющим ассортиментом литературы на английском языке. В конце продолговатого помещения сидит продавец Луис: угрюмым он кажется всего несколько секунд, а потом как бабочка подлетает ко мне и начинает вещать про отделы, из которых состоят книжные полки. Потом он плавно переходит на кладбищенские байки главных усыпальниц Вальпараисо, чем окончательно завоевывает мое доверие. Брат Луиса, оказывается, был одним из трех авторов, работавших над бестселлером *Valparaiso No Patrimonial* — своего рода гидом по необычным местам города. Сакральные знания достались Луису по наследству. Он соглашается провести для меня тур.

Перед тем как отправиться на кладбище, Луис решает познакомить меня с менее готическими городскими ландшафтами. Мы стремительно проносимся по холмам, в редких случаях пользуясь фуникулерами, которых, как я узнала, в Вальпараисо около 40, но большинство из них не действует, поскольку их ремонт обходится городу слишком дорого. Луис показывает дворец *Baburizza* — югославское наследие, музей изобразительного искусства с крышей, напоминающей ведьмин колпак. На улице *Templeman* рассказывает историю трех одинаковых домов разных цветов: богатому коммерсанту предстояла задача распределить имущество между тремя своими сыновьями — всем им досталось по дому. «Но угадай, кому какой?» — озадачивает меня Луис. Честно пытаюсь разглядеть ответ, впери́в взор в симпатичные фасады. Разгадка кроется в ступенях крыльца: дом младшего сына имеет три ступени, среднего — две, а старшего, соответственно, одну.

У здания, похожего на лайнер, мы встречаем группу русских туристов: они рассеянно смотрят по сторонам и делают селфи на фоне кустов с фиолетовыми цветами. Луис проводит пальцами по ребристой поверхности дома напротив — вот они, останки кораблей. Вот здание, построенное в стиле баухауз, а в этом жил известный итальянский мультипликатор. «Луис, давай-ка уже на кладбище», — не выдержала я: новая группа пожилых туристов почти нас настигла.

«Еще одно место — и идем», — настаивает гид. Мы приходим в порт: пахнет рыбой, толстый зазывала в грязной футболке приглашает туристов посмотреть на город из лодки, на каменной скамейке лежит улыбчивый бездомный, пригретый солнцем.

Луис подводит меня к небольшому гранитному столбу: он был установлен в честь пятидесятилетней годовщины прибытия испанских беженцев в Чили.

Спасаясь от режима Франко, более 2000 политических эмигрантов из Испании нашли убежище в Чили в 1939 году. Интересно, что за осуществление плана помощи взялся не кто иной, как лауреат Нобелевской премии, чилийский поэт Пабло Неруда.

Если долго всматриваться в океанскую гладь, стоя под палящим солнцем в полдень, то в шуме волн можно разобрать слова: «Но если семена мечтают в конце концов упасть вблизи от вспаханного плугом поля, то я молю лишь: унеси!»

На горизонте появляется корабль «Виннипег»: тысячи усталых смуглых лиц жадно вглядываются в еле заметную кромку земли. «Ну что, пошли?» — прерывает мои грезы Луис.

Причина, по которой я так рвалась на кладбище, заключается отнюдь не в моей латентной некрофилии. Во-первых, кладбища в большинстве стран Латинской Америки представляют собой впечатляющие памятники архитектуры, по своей помпезности и изысканности не уступающие дворцам. Во-вторых, конкретно кладбище Вальпараисо славится тем, что там нашли последний приют персонажи, которые внесли значительный вклад в создание мифологии Вальпо. Один из них — Мартин Буска, испанский негодяй, известный всему городу как человек, обманувший Дьявола. Жители Вальпараисо не могли объяснить его коммерческий успех ничем иным, кроме как дьявольским вмешательством: они верили, что Буска заключил с Сатаной сделку по довольно распространенной схеме — душу в обмен на успех. Правда, хитрый делец выдвинул следующее условие: душа попадет к Дьяволу, как только гроб Буски коснется земли. Проходя по живописному кладбищу, я замечаю довольно странный объект: внутри небольшого помещения стоит каменный склеп на львиных ногах — это и есть усыпальница Буски, сконструированная таким образом, чтобы прах коммерсанта никогда не коснулся земли.

Другая кладбищенская байка — о персонаже по имени Эмиль Дубуа, серийном убийце, чилийском Робин Гуде, почитаемом в народе (к слову, настоящему Робин Гуду этот, пожалуй, даже может дать фору). Дубуа прославился убийством четырех зажиточных резидентов Вальпараисо, которые сколотили свое состояние обманным путем и продолжали терроризировать местных жителей своей неутолимой жадностью наживы: кредитами, нечестными сделками, коррупционностью. В отличие от настоящего Робин Гуда, Дубуа украденное беднякам не возвращал — факт, который несколько не смущает современных почитателей убийцы. Его могила больше напоминает священный алтарь: сюда приходят, чтобы просить у духа Дубуа покровительства, защиты и исполнения заветных желаний. Вот такое специфическое понимание справедливости в этих краях. С другой стороны, это только подтверждает мои догадки: современный Вальпараисо был создан чудаками и безнадежными мечтателями, иммигрантами, которые в поиске нового дома совершили не столько побег из осточертевших родных краев, сколько побег из реальности. ■

интернет
МАГАЗИН

Реклама

Е
О
О
Ы
Ч
Н
Ы
Х

ПОДАРКОВ

Stuffology.RU

8-495-628-25-30
8-926-034-78-22

Чистые Пруды